

Междисциплинарные науки

УДК 82-21

А.А. Амбарцумян

Амбарцумян Алина Артуровна, студентка Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail: AmberMoon999@outlook.com

Научный руководитель: **Новикова Валерия Юрьевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков и литературы Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), e-mail:gandzi@yandex.ru

«МЕДЕЯ» ЕВРИПИДА И «МЕДЕЯ» СЕНЕКИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В статье приводится сравнительный анализ трагедий Еврипида и Сенеки и рассматриваются социокультурные особенности интерпретации мифа о Меее обоими драматургами.

Ключевые слова: миф, античная литература, античная трагедия.

A.A. Ambartsumyan

Ambartsumyan Alina Arturovna, student of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy St., Krasnodar), e-mail: AmberMoon999@outlook.com

Research supervisor: **Novikova Valeriya Yuryevna**, candidate of philological sciences, associate professor of Russian and foreign languages and literature department of the Krasnodar state institute of culture (33, im. 40-letiya Pobedy St., Krasnodar), e-mail:gandzi@yandex.ru

THE COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF «MEDEA» BY EURIPIDES AND «MEDEA» BY SENECA

The article provides a comparative analysis of the tragedies of Euripides and Seneca and discusses the social and cultural features of the interpretation of the Medea myth by both playwrights.

Keywords: myth, antique literature, antique tragedy.

Медея в литературной традиции отличается от своего мифологического прототипа. Наиболее распространенный вариант истории о колхидской волшебнице приобрел популярность после участия Еврипида в состязании драматургов на Великих Дионисиях с трагедией «Медея» в 431 г. до н.э. Считается, что именно он привнес в миф сюжет об убийстве Медеей собственных детей [4]. Хотя на Великих Дионисиях драматург потерпел поражение, «Медея» считается одной из его самых значимых работ, т.к. в ней наиболее полно раскрываются ведущие в его творчестве темы любви и семейных отношений.

После Еврипида к образу Медеи еще не раз обращались другие античные авторы. Но ближе всего к его «Медее» стоит «Медея» Сенеки (приблизительно 62 год н.э.). Сюжет трагедии в основном повторяет произведение древнегреческого драматурга: Сенека заимствует у Еврипида вариант мифа с детоубийством.

Гораций в своем «Послании к Пизонам» наряду со множеством практических советов по стихосложению высказал мысль о том, что римскому поэту нужно учиться мастерству у греков, но не бездумно копировать их, а находить собственные оригинальные решения [3]. Вольно или невольно Сенека применил этот принцип при написании «Медеи» и создал не перевод или адаптацию греческого текста, написанного Еврипидом, но отдельное, самостоятельное произведение. Поэтому, несмотря

на то, что фабула у трагедий одинаковая, различия в интерпретации сюжета и героев довольно существенны. Проблематика «Медеи» Сенеки отличается от проблематики «Медеи» Еврипида, что не удивительно, ведь эти произведения – продукты двух разных эпох, двух разных обществ. Это заметно даже в деталях, на которые не всегда обращают внимание в силу того, что они не понятны современному читателю. В пример можно привести просьбу Медеи оставить детей с ней. Поскольку Еврипид выстраивает греческую модель семьи, а Сенека – римскую, нюансы «бракоразводного процесса» несколько отличаются. Таким образом, у Еврипида просьба Медеи – вполне осуществимая, пусть и сентиментальная, но у Сенеки – это уже нарушение римских законов [8].

Во времена Еврипида сюжет трагедии был актуальным и в некотором роде архетипическим, драматург писал о реальных проблемах современной ему эпохи. Но для общества, гражданином которого был Сенека, вопросы, поднимавшиеся Еврипидом, стояли не так остро. Римскому зрителю события пьесы больше напоминали страшную сказку [8]. Поэтому Сенека в своей «Медее» несколько сместил акценты, таким образом сделав сюжет понятным и близким для своей эпохи. Он позаимствовал греческий образец для создания собственной истории со стоической моралью.

Эти изменения и обусловили главное отличие двух «Медей». В то время как Еврипид в своей трагедии размышлял о положении женщины в современном ему греческом обществе, Сенека писал о трагедии римского гражданина, пострадавшего от страстей. Поэтому у Еврипида центральная линия женская с главным героем в лице Медеи, а у Сенеки – мужская с главным героем Ясоном [8].

Еврипид – первый, кто поднимает «женский» вопрос на сцене. Его героини противопоставлены всему миру и вынуждены делать сложный выбор, который влияет на судьбы окружающих. В классической, доеврипидовой драме такая роль обычно отводилась мужчине [10]. Ясон – типичный героический мужской персонаж – изображен у Еврипида

хладнокровным эгоистом [2]. Преступление, на которое решается Медея, продиктовано его потребительским отношением к жене. В гнев волшебница призывает Фемиду, богиню правосудия, в надежде на справедливое разрешение сложившейся ситуации [5] (что примечательно, у Сенеки Медея призывает Гекату и Эреба покарать новых жену и тестя Ясона; у Еврипида она использует «оборонительную» магию, у Сенеки – «агрессивную» [8]). Заручившись поддержкой колхидянок, которые по себе знают, каково положение жен и матерей в греческом обществе, Медея изолирует Ясона, неблагодарного мужа и отца. У Сенеки в изоляции оказывается иноземная царица Медея [8].

Древнегреческая мифология знала мятущихся персонажей, но все они помнили о существовании этической нормы. Они руководствовались определенной системой моральных координат, в соответствии с которой принимали наиболее правильные решения. Но конфликт Медеи у Еврипида носит сугубо субъективный характер, она слишком поглощена чувствами, чтобы действовать с оглядкой на нормы [12]. Тем не менее страсть не ослепляет ее, а придает ясность уму [2]. Однако преступление ей дорого дается, она сомневается до самого конца и жалеет о том, что должна совершить.

Предательство Ясона ставит Медею перед выбором: подчиниться Креонту и уйти с детьми в изгнание либо сражаться с соперницей за мужа. Она отвергает оба варианта и выбирает собственный путь. Медея выполнила роль помощницы-любовницы Ясона, возложенную на нее Афродитой, и по логике мифа на этом ее история должна была закончиться. Однако в трагедии Еврипида персонаж словно восстает против собственной судьбы: Медея уходит на второй план, но решает сделать это с неслыханным размахом. И в то же время, как и было положено, самоустраивается.

У Еврипида Медея – сильная фигура, почти равная богам. Она восстает против своего рока и уходит безнаказанной.

Сенека выстраивает образ волшебницы в противоположность героине Еврипида. «Медея Сенеки уже читала трагедию Еврипида» [11, с. 71]: кормилица обращается к ней: «Медея!», на что та отвечает: «Стану ею» [9, с. 12]. Сенека нередко пользовался приемом нанизывания смыслов из источников предшественников с помощью описаний, аллюзий, заимствований. Это было направлено на усиление воздействия на знающих слушателей [7].

Таким образом, Медея у Сенеки виновна изначально, уже хотя бы потому, что она – Медея – определенный образ, созданный всеми преступлениями, которые она совершала ради Ясона [11]. Такая тенденция трактовки персонажа вполне характерна для римской литературы. Гораций писал, что в произведениях, сочиненных по мифам и легендам, автор не должен отходить от источника, поэтому Медее пристало быть «гордой и лютой» [3, с. 52]. Для Сенеки она преступница и злодейка, и он, в отличие от Еврипида, ей не сочувствует.

Но Сенека и не ставил перед собой цель создать трагичную историю ради развлечения слушателей, которые могли бы сопереживать героям. «Медея» – это, прежде всего, трагедия о «зле, причина которого в страсти, выпущенной на волю человеком» [10, с. 204]. Ясон становится жертвой страстей, от которых не сумел отстраниться, а зло, безнравственность и вседозволенность в лице Медеи одерживают верх над невинностью, чистотой и неопытностью в лице Креусы [6].

Для того, чтобы добыть золотое руно, Ясон объединился с Медеей, воплощающей собой преступность. Но даже после изгнания из Иолка он не оставил мечту о власти, которую мог легко заполучить, став зятем царя соседнего государства Креонта. Ясон решает начать все сначала в Коринфе и отказаться от Медеи, таким образом искупив преступления, соучастником которых являлся, будучи связанным с ней [6]. Медея не может избавиться от навязанной богами любви. «Любовь и власть – это столкновение чувств и разума, стихии и сознательности, переживаний и расчета, нравственного и

политического, биологического и социального» [6, с. 262]. «Медея» – это трагедия о борьбе чувств и разума.

Однако, по мнению Сенеки-стоика, борьба с этими страстями ведет к поражению человека, так как он слишком слаб. В трактате «О гневе» философ писал, что страстями нельзя ни управлять, ни даже им противостоять (что и случилось с Медеей, проигравшей битву своим двум величайшим страстям: любви и ненависти). Единственный способ бороться с ними – стараться достичь апатии души, которая исключает возможность преступления под воздействием чувств. Мудрец должен занимать созерцательное положение по отношению к року, в этом его свобода [10].

Одержимой страстями Медее Сенека противопоставляет Ясона, который в трагедии близок к стоическому идеалу. Пока Медея бунтует против своего рока, Ясон собственную судьбу принимает стоически. И в то же время он утверждает, что даже Креонт не заставит его отказаться от детей. Его ложь идет вразрез с образом стоика, который он пытается принять. Ясон проявляет мнимую покорность року, когда ему это удобно [8]. И все же сыновья Ясона погибают. У Сенеки преступления одних – часто источник страдания других. Дети должны были поплатиться за неверность отца [11].

Медея отказывается принять свою судьбу и смиренно уйти в изгнание. Борьба с роком порождает в ней страсть. Страсть для Сенеки – это вектор изменения ума к худшему. Убийство, трагедия – закономерный исход подобной губительной страсти [10]. Их нельзя предотвратить, но можно извлечь урок и использовать в качестве предостережения.

Сравнительный анализ трагедий Еврипида и Сенеки позволяет выделить ключевые различия в подходе двух драматургов к интерпретации мифа о Медее. Еврипид, мастер психологизма, принимает своих героев со всеми их недостатками и относится к их слабостям с пониманием. Он жалеет даже (и особенно) Медею, несмотря на то, что она убивает собственных детей. Сенека показывает своих персонажей жертвами эмоций, которые толкают их на преступления и преграждают путь к счастью в стоическом его

понимании. Поэтому у Еврипида Медея – несчастная мать, а у Сенеки она отличается «садистской свирепостью». В финале у Еврипида все статусы утрачивает Ясон, Медея же, заручившись поддержкой Эгея, сохраняет статус жены и матери-мачехи. У Сенеки оба лишаются всего.

И Еврипид, и Сенека видели себя «учителями народа» [1, с. 6]. Их творчество имело социальную направленность, а в произведениях поднимались актуальные для того времени проблемы. Но несмотря на то, что их стремления в общем и целом совпадали, оба драматурга как представители разных обществ, эпох и философских школ имели разные взгляды на то, чему и как нужно «учить».

Список используемой литературы:

1. *Ант С.К.* Античная драма. М., 1970. 768 с.
2. *Боннар А.* Греческая цивилизация. М., 1992. 269 с.
3. Гораций Квинт Флакк. *Буало Н.* Поэтическое искусство. Об искусстве и поэзии. М., 2017. 152 с.
4. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М., 1992. 624 с.
5. *Иванова И.С.* Причины утраты женственности героиней античных трагедий Медеей и этическая оценка данного явления // *Сервис Plus*. 2014. № 3. С. 68–80.
6. *Ивлиев В.А.* Мудрость Сенеки. Таганрог, 2011. 309 с.
7. *Ошеров С.А.* Сенека-драматург: от мифа к философии // *Ошеров С.А.* Найти язык эпох: от архаического Рима до Серебряного века. М., 2001. С. 228–263.
8. *Пичугина В.К.* Ясон в трагедии Сенеки «Медея»: плохой или хороший муж, отец, наставник? // *Философское антиковедение и классическая традиция*. 2018. Вып. 1. С. 220–243.

9. *Сенека, Луций Анней*. Медея (пер. С.А. Ошерова) // Луций Анней Сенека. Трагедии. М., 1983. 448 с.
10. *Трубочкин Д.В.* Античная литература и драматургия. М., 2010. 224 с.
11. *Филиппов В.В.* Сенека-драматург в русских переводах // Вестник московского университета. 2011. № 1. С. 67–73.
12. *Ярхо В.Н.* Драматургия Еврипида и конец античной героической трагедии // Еврипид. Трагедии: в 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 565–591.